

Глава четвертая.

ВСТРЕЧАЯ ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

“Свобода — наиболее верное средство против временных неудобств, проистекающих из свободы.

П. А. Кропоткин, 1899

И биология, и история

“Для нас есть один предел: никогда мы руки не приложим к созданию какой бы то ни было пирамидальной организации, никогда... не будем создавать правление человека над человеком...”

П. А. Кропоткин, 1897

Родившийся еще в первой половине XIX столетия, встречая век XX, Кропоткин с оптимизмом, хотя и не без тревоги, смотрел в будущее. Он верил в то, что Россия станет следующей после искренне любимой им Францией страной великой социальной революции, которая коренным образом изменит ход исторического развития всего человечества. Видя в ней главную ее составляющую — гуманистическую, — он понимал, что эта революция, как и все предыдущие, не выполнит всех поставленных ею задач. Они будут решаться в ходе последующей эволюции на протяжении десятилетий, а возможно, и целого столетия. Но если повторятся ошибки Великой французской революции, к власти придет одна партия (он имел в виду конкретно российских социал-демократов) и, подавляя другие партии и народную инициативу, займется укреплением государства, как бы оно ни было названо, неизбежным станет восстановление самодержавия в худшем его виде. Прошло менее двух десятилетий нового века, и стало ясно, что пророчество сбывается, причем даже Кропоткин не сразу поверил в это.

В самом конце XIX века и в первые годы XX века Кропоткин, как всегда, очень много работал. Одновременно с исследованием исторической роли государства, взаимоотношений современной науки и анархической идеи, истории Великой французской революции он всерьез взялся за изучение биологии. Его кабинет в Брайтоне был буквально завален научной литературой. Публиковались его «биологические этюды», посвященные влиянию окружающей среды на растения и животных, проблемам наследственности, биоразнообразия, в которых выдающийся русский биолог академик М. А. Мензбир «отметил

строгую научность как по методу, так и по обилию собранного в них материала». Наконец появляются его статьи в «Nineteenth Century», развивающие представления о взаимопомощи как более важном факторе эволюции, чем борьба за существование.

Разработкой темы «взаимная помощь» Кропоткин занимался на рубеже двух веков. А кроме того, он усиленно работал над рукописью большой книги «История Великой Французской революции», которую целиком писал по-французски, и одновременно — над английской рукописью лекций по истории русской литературы, прочитанных в Бостоне. В те же годы он работал над своими мемуарами, которые под названием «Записки революционера» разошлись по всему миру, изданные на разных языках. Все эти книги (плюс главная книга «Этика») готовились к изданию на рубеже двух веков. Эта работа шла на фоне непрерывающихся поездок с лекциями по городам Британских островов, приемов посетителей, переписки, революционных событий 1905 года в России, споров с марксистами, попыток вернуться на родину, постоянно ухудшающегося здоровья... И обо всем этом он сообщает в Париж Марии Гольдсмит, своей постоянной корреспондентке, переводчице и другу. Вот только несколько цитат из писем П. А. Кропоткина М. И. Гольдсмит, написанных в 1897–1912 годах:

14 декабря 1898 г.

“ «Каждый месяц надо поставлять главу мемуаров, страниц шестнадцать... Я пишу по-русски вполне, потом сокращенно по-английски, и это будет решительно все время, настолько, что вот ничего не могу делать — так устал. Нет физической возможности взяться за новое дело...»

28 декабря 1900 г.

“ «Страшно работаю — это одно мое оправдание... Вчера было собрание русское — 75-летие 14-[го] декабря. Все было очень хорошо. Но ввязался плюгавенький марксид и пошел: буржуа, либералы и все то движение 70-х гг. было буржуазным], и Кравчинский был мальчишка... В былые времена тут был один шпион, также „срывал собранья“. Право — марксид не лучше распорядился. Всем до того тошно стало... Я до пяти не спал: просто боль чувствуешь за этих недоумков; а их чуть не целое поколение! И не со вчерашнего дня эта болезнь: я ее переживаю с 70-х годов...»

14 декабря 1901 г.

“ «...Моя Autour d'une vie (мемуары) выходят завтра. Если попадутся отчеты, а в особенности, если ругательный, пришлите. В Германии их удивительно хорошо приняли. Лучший отчет был в одной злой, консервативной газете: „Очень хорошо написано, а поэтому не следует распространять“...»

19 июня 1907 г.

«...Столько писем на руках, что прихожу в отчаянье... Вести из России не веселы. Полное торжество реакции, — кто знает, на сколько лет!»

12 мая 1908 г.

“ «Деньги, добываемые экзами, надо было бы совершенно исключить как возможный источник дохода. Простой, здравый, практический смысл это велит категорически — без всякой теории. И надо, мне кажется, поставить это условием...»

3 ноября 1909 г.

“ «Дорогой мой друг!
Мы и в науке, кажется, работаем с Вами на одном поприще — Дарвин и ламаркизм. Я сейчас много написал в этом направлении. Мне нужно показать, что Взаимная Помощь не противоречит дарвинизму, если понимать естественный подбор так, как его следует понимать...»

21 ноября 1912 г.

“ «Я хочу серьезно написать, хоть вкратце, свою Этику... Мне мало осталось жить и хочу кончить Этику, хоть вчерне... Слег так некстати. На рождение пришло свыше 400 писем, телеграмм, адресов. Нужно писать ответы, хоть не всем, а я лежу! Тоска! Что меня больше всего порадовало, что десятки адресов от рабочих синдикатов Португалии... из России адрес с 250 подписями, адреса от групп, студентов, рабочих союзов — нагло, смело, по телеграфу, с подписями».

Все эти годы Кропоткин упорно размышлял о роли и месте анархистского движения в будущей русской революции — а в том, что она будет, он не сомневался даже в период глухой реакции, последовавший за событиями 1905–1907 годов. В своем письме М. Гольдсмит от 11 мая 1897 года он объясняет: «Удержать чистоту принципов, стоя особняком, не мешаясь ни в какие общечеловеческие дела, — заслуги нет никакой и пользы нет никакой... Мы должны заранее предвидеть, что вокруг нас будут сотни разных движений. Всех обратить в анархизм мы не можем, оттого мы и анархисты, что всех под один колпак не подведешь. Но все эти движения имеют свою причину, свое основание. И во всех этих движениях мы должны... высказать наше мнение и, если возможно, оказать наше влияние. Для нас есть один предел: никогда мы не станем в ряды эксплуататоров, правящих и духовных наставников; и никогда мы не станем выбирать или назначать себе эксплуататоров... А во все остальное мы должны соваться и везде вносить наше отрицание и наше построение».

Эти рассуждения выглядели вполне здравыми, но плохо согласовывались с реальным положением дел в России, от которой Петр Алексеевич был оторван уже более двадцати

лет. События последующих лет показали, что русская революция развивалась совсем не тем путем, который виделся Кропоткину в его лондонском далеке.

Мысли о русской литературе

“ Русская литература представляет богатейшее сокровище оригинального поэтического вдохновения... Ни в какой иной стране литература не занимает такого влиятельного положения...

П. А. Кропоткин, 1899

В феврале 1901 года Петр Кропоткин посетил Северо-Американские Соединенные Штаты по приглашению института Лоуэлла в Бостоне. Ему предложили прочитать курс лекций по истории русской литературы. Причиной такого предложения послужила его статья о Толстом для журнала «Harper's Magazine». В очень короткий срок Кропоткин написал по-английски восемь лекций, целый курс, охвативший всю историю русской литературы — от былин, летописей и сказок до пьес и рассказов Антона Чехова и Максима Горького.

Вводную лекцию, посвященную русскому языку, он начал такими словами: «Я глубоко сожалею, что не могу передать по-английски понятия о красоте и строении русского языка, который был в употреблении в начале одиннадцатого века на севере России... Словесное богатство русского языка поразительно... Его гибкость особенно сказывается в переводах... Ни одна западноевропейская нация не обладает таким поразительным богатством народного творчества в форме преданий, сказок и лирических народных песен — причем некоторые отличаются необыкновенной красотой — и таким богатым циклом эпических песен, относящихся к седой древности».

Перед американской аудиторией выступал не литературовед или лингвист, а знаменитый революционный публицист-анархист, в научных кругах известный как ученый-естествоиспытатель. Но широкое самообразование, которым он занимался с юности, обеспечило ему тонкое понимание и знание русской литературы. Прежде чем перейти к русской классике XIX века, он рассказал о народных сказках, новгородских и псковских летописях, «Слове о полку Иго-реве», Житии протопопа Аввакума. Не были забыты им Кантемир, Тредиаковский, Сумароков, Ломоносов, Державин, Карамзин, Жуковский...

Кратко, но очень емко рассказал Кропоткин о многих десятках русских писателей. Притом он не ограничивался «обоймой» особенно выдающихся художников слова. Он нашел достаточно места и для менее известных писателей, каждый из которых внес свой, неповторимый вклад в сокровищницу великой русской литературы. Всего им было упомянуто в лекциях около ста пятидесяти поэтов, прозаиков и драматургов России.

Главное внимание, конечно, уделено XIX столетию. Собственно, именно тогда-то произошел расцвет русской литературы и она заняла свое выдающееся положение в мире: «Медленная работа предыдущих пяти веков уже подготовила то великолепное, гибкое орудие —

литературный язык, который вскоре послужил Пушкину для создания его мелодических стихов и Тургеневу для его не менее мелодической прозы». Красота формы прежде всего привлекает в Пушкине, но «вдохновение Лермонтова имеет более высокий полет»; его громадный талант не успел полностью раскрыться за восемь лет его творческого пути. Он был глубоко гуманным поэтом.

Новый период русской литературы начался с «великого реалиста» Гоголя, которому посвящена отдельная лекция и, соответственно, глава в книге, которая вышла под названием «Идеалы и действительность в русской литературе». Показав всемирное значение Толстого, Кропоткин не смог, однако, так же глубоко понять и оценить Достоевского. Ему мешала тенденциозность в противопоставлении религиозности материализму. Роман «Бесы» Кропоткин воспринял лишь как пародию на революционное движение. Переходя к XX веку, Кропоткин выделил молодого Максима Горького, художественный метод которого определил как «идеалистический реализм», и в особенности Чехова, который раскрыл в своем творчестве «гнилость цивилизации целой эпохи». И сказал прощальное слово уходящему миру.

Естественно, особое внимание уделено русской политической литературе, таким именам, как Герцен, Огарев, Бакунин, Лавров, Салтыков-Щедрин, Белинский, Писарев, Добролюбов, Степняк-Кравчинский: «Говоря о политической литературе страны, в которой нет политической свободы и где произведения печати подвергаются строжайшей цензуре, — рискуешь вызвать ироническую улыбку...» Но ни в одной стране, считает Кропоткин, художественная литература не содержит в себе столь мощного политического заряда, как в России: она настолько же политична, насколько художественна.

...Завершив цикл литературных лекций в Бостоне, Кропоткин остановился в Нью-Йорке, где снова читал лекции и выступал на митингах в рабочих районах. Потом он отправился на запад и, хотя по пути простудился и заболел, провел все запланированные встречи как в Чикаго, так и в других городах Среднего Запада. 22 апреля он выступил в университете Иллинойса с докладом «Современное развитие социализма», а на следующий день в университете штата Висконсин с успехом раскрыл перед слушателями тему «Тургенев и Толстой». Вернувшись в Британию, Петр Алексеевич напечатал статью «Тургенев, Толстой, Достоевский» в шотландском журнале «Scottish Art Review». А в январе 1905 года он подписал в Бромли предисловие к первому английскому изданию книги, вышедшей одновременно в Нью-Йорке и Лондоне. В нем он подчеркнул ту особенность русской литературы, что «она касается почти всех тех социальных и политических вопросов, которые в Западной Европе и Америке... трактуются главным образом в политико-социальной журналистике и редко находят себе выражение в области искусства». В 1907 году появилось русское издание книги в переводе В. Батурина под редакцией автора.

Возвращаясь в Нью-Йорк, Кропоткин проехал через сельскохозяйственный штат Огайо, где посетил несколько ферм, собрав материал о выращивании пшеницы фермерами. На него большое впечатление произвели результаты их работы, о чем он не один раз еще вспомнит. В Буффало специально для встречи с ним приехал из Торонто его английский друг профессор Мэйвор. С ним Кропоткин обсудил вопрос о переселении в Канаду русских духоборов, а в мае отплыл в Европу, проведя, таким образом, в Америке больше трех

месяцев. И снова, в который уже раз, он оказался объектом клеветы. С его отъездом совпало покушение на американского президента Уильяма Мак-Кинли, и местная пресса выступила с утверждением, что оно было организовано не без влияния анархиста Кропоткина.

Напряжение во время поездки по Америке сказалось очень скоро: вернувшись в Англию, Кропоткин заболел очередным бронхитом, мучившим его при малейшей простуде, и испытал серьезный сердечный приступ, который приковал его на время к постели. Пришлось отказаться от заведования в журнале «Nineteenth Century» разделом современной науки. Врачи советовали ему изменить образ жизни, он стал устраивать перерывы в работе, выезжать на отдых в приморские городки Англии, а иногда и Франции. Прекратил он и свои регулярные турне по британским городам с лекциями. Они всегда вызывали большой интерес, какой бы ни была тема, а диапазон их был очень широк. Одно упоминание в афишах того, что будет выступать Кропоткин, обеспечивало полный зал. Слушателей привлекали как содержание лекций, способность лектора быстро переключаться с одной темы на другую, так и сама манера выступления.

И в Англии Петр Алексеевич оставался народником. Даже в такой промышленно развитой стране он придавал большое значение крестьянству, расходясь в этом вопросе с социал-демократами. Интересен фрагмент его письма Софье Лавровой от 27 мая 1907 года, когда в Лондоне проходил V съезд РСДРП, на который Кропоткин — единственный из анархистов — получил приглашение: «Роза Люксембург говорила, что крестьянство представляет революционный элемент и нужно ему помогать. Плеханов — с пафосом — принялся отлучать ее „от церкви“, обвиняя в измене социализму, в анархизме. Говорят, ленинцы — еще большие ортодоксы, чем меньшевики!» По-видимому, с Лениным Кропоткин тогда не встречался, но известно, что группа делегатов-большевиков во главе с будущим «красным маршалом» Климентом Ворошиловым побывала у лидера анархизма. Они пили с ним чай и много спорили, прежде всего о природе крестьянства и отношении к нему.

На исходе XIX века одновременно в Бостоне и Нью-Йорке, Лондоне и Барселоне вышла книга Кропоткина «Записки революционера». Сам автор дал своим мемуарам название «Вокруг одной жизни», но под этим названием — «Autor d'une Vie» — она вышла только однажды — во французском издательстве П. В. Стока. В предисловии к лондонскому изданию, воспроизведенном в русском издании 1906 года, Георг Брандес[75] очень высоко оценивал и книгу, и личность автора. Действительно, мемуары Кропоткина имели особенно много изданий, и объясняется это, по-видимому, тем, что они написаны человеком, обладающим несомненным литературным даром и прожившим чрезвычайно богатую событиями, исполненную высокими целями жизнь. Георг Брандес отметил: «В его книге мы находим психологию России: России официальной и народных масс. России, борющейся за прогресс, и России реакционной». В книге показан процесс формирования личности: нравственной, широко-образованной и чувствующей ответственность за судьбу народа. Такая личность не могла не стать на путь социального просвещения народа и борьбы с самодержавием в России как с наисильнейшим выражением государственной идеи — идеи централизации власти и подавления народного самосознания. «Записки революционера» — «это не только история жизни человека на фоне событий эпохи, но и история развития его мышления, формирования его социальной концепции».

Популярность книги, сразу же очень широкая, сохранялась долго. К 1921 году во Франции вышло ее девятнадцатое издание, в Англии — шестое, в Германии — седьмое, в Испании — третье. Впервые изданные в 1902 году на русском языке Фондом вольной русской прессы в Лондоне, в нашей стране «Записки революционера» до настоящего времени выходили 13 раз.

Диалог с Львом Толстым

“Могуществом своего художественного гения он расшевелил лучшие струны человеческой совести...”

П. А. Кропоткин, 1920

Одним из первых русских читателей кропоткинских «Записок революционера» был Лев Николаевич Толстой. Он писал Черткову[76]: «Передайте мой больше чем привет Кропоткину. Я недавно читал его мемуары и очень сблизился с ним».

Многие подмечали их внешнее сходство. И тогда Толстой говорил: «Что ж тут удивительного: Я — тип русского мужика. И он — тоже тип русского мужика». Они связаны даже в своих родовых корнях. Мужская линия Льва Николаевича восходит к немцу Идрису, приехавшему в 1353 году в Чернигов. Толстой — его потомок в двадцатом поколении. Но его мать, которая умерла, когда сыну было полтора года, принадлежала к роду князей Волконских, непосредственных потомков Рюрика. Лев Юрьевич, Рюрикович в тринадцатом колене, получил в управление земли по реке Волконе или Волхоне в Калужской и Тульской губерниях, откуда и произошла фамилия.

Духовная близость двух великих русских людей возникла, несмотря на то, что их жизненные пути ни разу не сошлись ни во времени, ни в пространстве. Когда Петя Кропоткин был еще ребенком, Лев Толстой уже стал известен своей повестью «Детство». В 1857 году начинающий писатель, участник Крымской войны и автор «Севастопольских рассказов», посетил Швейцарию и жил в Кларане, где позже несколько счастливейших дней своей жизни проведет Кропоткин со своим близким другом Элизе Реклю и молодой женой Софьей Григорьевной. Но это будет уже в другом временном интервале — почти через 30 лет.

В самом конце жизни Лев Николаевич признавался в беседе с петербургским журналистом Владимиром Поссе: «Жаль, что умру, не познакомившись с Кропоткиным, вероятно, это очень хороший и интересный человек». Кропоткин тоже нигде не упоминает о встрече с Толстым. Между тем жена московского предводителя дворянства М. С. Воейкова в своих «Воспоминаниях», опубликованных во второй книге шестьдесят девятого тома «Литературного наследства» (М., 1961. С. 12–14), описывает эту встречу, состоявшуюся еще в 1861 году, вскоре после опубликования манифеста Александра II об освобождении крестьян от крепостной зависимости. В октябре того года в Москве, на Малой Дмитровке, около гостиницы «Дрезден» произошло столкновение студентов Московского университета с полицией. По приказу генерал-губернатора П. А. Тучкова казаки нагайками разгоняли

студенческую сходку. Одним из участников этого события был Александр Кропоткин, попавший даже в кутузку. Узнав об этом, Петр немедленно прибыл из Петербурга. Тогда-то в доме Марии Степановны Воейковой и состоялась, судя по ее воспоминаниям, встреча молодого Льва Николаевича с совсем еще юным князем Кропоткиным, «который очень горячился и высказывался резко, хотя и был годами моложе других». Он осуждал непоследовательность и несовершенство Крестьянской реформы, которая по существу не стала освобождением от крепостного права. Граф Толстой сказал тогда Кропоткину: «Я с вами согласен».

Для Кропоткина отношение к нему Толстого имело особое значение. Со своей стороны Толстой проявлял интерес к личности и произведениям Кропоткина на протяжении многих лет. Сближение их началось с того момента, когда в феврале 1897 года в Лондоне появился приехавший из России толстовец Владимир Чертков. В Центральном архиве литературы и искусства в Москве хранятся более ста писем Кропоткина Черткову. По сути, это была переписка с Толстым, в которой Чертков выполнял роль посредника.

Первой публикацией Кропоткина о Толстом была статья «Граф Толстой и Катков» в английской газете «Newcastle Daily Cronicle» в 1882 году. В последующем он неоднократно обращался к имени и творчеству великого писателя и мыслителя, тоже анархиста, отрицателя насилия и власти государства над человеком, хотя и со своей, толстовской, окраской.

Уже в первом письме, полученном Чертковым от Кропоткина, содержится критика толстовского «непротивления»: «Пока не ослабевают насилия сверху, насилия снизу остается фактором прогресса нравственного. Человечеству нельзя двигаться пассивным неодобрением. Человечество всегда двигалось только активными силами, которые вы и пытаетесь создать. (Вот почему формула „непротивления злу“ неверна. Вы же хотите противления, и нужно очень много противления; вы только хотите его без насилия.) Удастся ли вам сплотить эти силы — не знаю; думаю, что нет, но несомненно, что по мере того, как равенство будет входить в нравы, противление злу будет все более и более терять характер насилия — физического отпора — и все более и более будет принимать характер отпора нравственного, настолько дружного, что он станет главной прогрессивной силой»[77]. Чертков отправил это письмо в Ясную Поляну, и Толстой ответил: «Письмо Кропоткина очень мне понравилось. Его аргументы в пользу насилия мне представляются не выражением убеждения, но только верности тому знамени, под которым он честно прослужил всю свою жизнь».

Для Толстого насилия всегда насилия. Оно не может быть освободительным. Злом не победить зло, как огню не погасить огня. Так считал Толстой. Кропоткин же признавал неизбежность революционного насилия над господствующими классами, которые добровольно от власти не откажутся. Он решительно возражал Толстому, но сам все же не считал классовую борьбу двигателем прогресса. Любая борьба, полагал он, ведет к разрушению и уничтожению. Она не может быть созидательной. Даже борьба за существование в животном мире, а уж тем более людей с людьми. «Освобождение человечества вернее, чем освобождение одного класса», — писал он.

Кропоткин, по-видимому, раньше других революционеров поставил общечеловеческое выше узкоклассового. И люди, несомненно, это чувствовали, Георг Брандес в уже процитированном предисловии к первому изданию «Записок революционера» писал: «В настоящее время есть только два великих русских, которые думают для русского народа и чья мысль принадлежит человечеству: Лев Толстой и Петр Кропоткин... Оба любят человечество и оба сурово осуждают индифферентизм, недостаток мысли, грубость и жестокость высших классов; обоих одинаково тянет к униженным и оскорбленным. Оба видят в мире больше трусости, чем глупости. Оба — идеалисты, и оба имеют темперамент реформаторов».

В феврале 1897 года В. Г. Чертков с женой уезжал из России. Провожать его приехал в Петербург Толстой. Быть может, среди прочих поручений Лев Николаевич попросил Черткова зайти в Лондоне к князю Кропоткину. Тогда он был особенно озабочен проблемой переселения притесняемых в России духоборов.

Кропоткин и Чертков жили в Лондоне довольно далеко друг от друга, но часто встречались, а кроме того, обменивались письмами, записками, телеграммами. В этой обширной переписке то и дело упоминается имя Толстого. В письме от 10 июня 1897 года Кропоткин благодарит Черткова за присланные ему брошюры Толстого: «Многое бы хотелось сказать по поводу их — но лучше оставить до следующего разговора. Одно скажу — читал их с большим удовольствием...» В этом письме, открывшем переписку, Кропоткин сразу же высказывает свое несогласие с основными идеями учения Толстого, особенно с его проповедью непротивления злу насилием.

Тесное общение Кропоткина и Черткова продолжалось до возвращения Черткова в Россию в 1906 году. В своих письмах Кропоткин рассказывал о событиях, представляющих интерес для Толстого, а тот, в свою очередь, сообщал свое мнение о статьях и книгах Кропоткина. Особенно восторженной была реакция Кропоткина на роман «Воскресение», печатавшийся в журнале «Нива». В письме Черткову от 29 августа 1899 года он пишет: «Большое спасибо за „Воскресение“. Я и на „Ниву“ подписался из-за него. Великое произведение. И как нужно было именно это! А о художественности и говорить нечего». По возвращении из Соединенных Штатов Кропоткин передает Черткову: «Будете писать Льву Николаевичу, скажите, что в Бостоне, Чикаго — большое, т. е. главное, движение против тюрем. Все сомнения, накапливавшиеся годами, прорвало после „Воскресения“. Милый он, Лев Николаевич. Сколько людей свет увидели после „Воскресения“».

Еще раз возникает в переписке разговор о «Воскресении» в январе 1903 года, когда в Лондоне готовилась инсценировка романа. Режиссер В. Фри пригласил Кропоткина в качестве консультанта по вопросам «русского быта». После премьеры, 18 февраля, Петр Алексеевич сообщал: «Представление вчера „Воскресения“ было настоящим триумфом. Впечатление драма производит глубокое...»

В нескольких письмах отразилось беспокойство Кропоткина в связи с болезнью Толстого в 1902 году. А когда поступили сведения о его выздоровлении, он выразил искреннюю радость: «Спасибо большое за хорошую весть о дорогом Льве Николаевиче».

Время от времени книги Кропоткина попадали в руки Толстого, и он с одобрением отзывался о них. Особенно ему понравилась брошюра «Узаконенная месть, именуемая правосудием». Толстой тоже не верил в справедливость суда, назначаемого государством, в законы, которые служат лишь сохранению существующего положения, выгодного тем, кто к нему приспособился. Всякий свод законов Кропоткин считал лишь кристаллизацией прошлого, препятствующей развитию будущего. В нем живая, стремительная вода жизни застывает, омертвляется. Лишь жар солнца может освободить живую воду из оков оледенения. Это солнце — революция... Толстой соглашался, но только он имел в виду революцию духовную, нравственную, в каждом человеке. Он не верил, что после устранения власти государства сразу же «установится мирное сосуществование» всех со всеми и что без принуждения можно заставить «эгоистов работать, а не пользоваться трудами других». Это место в рассуждениях Кропоткина он называл «паразитально слабым».

28 августа 1908 года, в день восьмидесятилетия Толстого, в Ясной Поляне была получена, среди множества поздравлений со всего мира, и телеграмма, в которой русский текст передавался латинскими буквами: «В Тулу из Лондона. Сердечно обнимаю дорогого Льва Николаевича. Петр Кропоткин».

Еще в январе 1905 года Кропоткин закончил рукопись статьи о Толстом для английского издания под названием «Лев Толстой — художник и мыслитель». Ему не удалось ее нигде опубликовать, но, когда великий писатель умер, в сокращенном и переработанном виде ее напечатала газета «Утро России» в качестве некролога. В заключительной ее части Петр Алексеевич писал: «Могуществом своего художественного гения он расшевелил лучшие струны человеческой совести...»

В 1920 году, за несколько месяцев до смерти, Кропоткин был приглашен на вечер памяти Льва Толстого в Большой зал Московской консерватории. Он не смог приехать, но на вечере зачитали его письмо, в котором он вспоминает о Толстом, как о человеке, «кто учил людей любви и братству, кто будил в людях совесть и звал их могучим голосом к построению нового общества на братских и безначальных основах»[78].

Предчувствие большой войны

“ Война большая, общеевропейская... разгорится через несколько дней. Германия... решила бесповоротно ее начать.

П. А. Кропоткин, 29 июня 1914 г.

В 1898 году в процессе дележа колоний английские и французские войска столкнулись у маленького городка Фа-шода в Судане. Дело едва не дошло до войны, что вызвало в Англии волну антивоенных митингов, в которых участвовали главным образом рабочие-социалисты. Петр Алексеевич принял в них активное участие. Он также выступал в защиту республиканцев и социалистов Барселоны, подвергнувшихся жестокому гонениям. В 1899 году тяжело переживал начало Англо-бурской войны, о которой писал в своих статьях.

Подходил к концу XIX век. Прогнозы на следующее столетие были противоречивыми. Говорили о неминуемом дальнейшем прогрессе в науке и технике, неотвратимости социальных революций и о неизбежном торжестве гуманизма. Кропоткина же более всего беспокоила неизбежность новых войн. Именно на рубеже веков голос Петра Кропоткина, «самого известного русского эмигранта», как называли его в английских газетах, зазвучал особенно сильно.

На последних страницах «Записок революционера», вышедших в свет в 1902 году, впервые прозвучало предупреждение Кропоткина: «Вся Европа переживает теперь очень скверный момент — развитие военщины. Военщина, то есть вера в венную силу — неизбежное последствие победы, одержанной над Францией в 1871 году военною германскою империею с ее системой всеобщей воинской повинности...» Следующая война началась на Дальнем Востоке, и это тоже было предсказано Кропоткиным. В феврале 1904 года в письме редактору французской газеты «Le Soir» он высказывается о неизбежности столкновения России и Японии из-за влияния на Северо-Восточный Китай и Корею. Вскоре произошло нападение японцев на русский флот в Порт-Артуре и вспыхнула Русско-японская война, закончившаяся поражением России и революционными событиями 1905–1907 годов, впервые поставившими под реальную угрозу самодержавие в России. Кропоткин собирался приехать на родину, но задержался из-за текущих дел, а тем временем в стране наступила реакция, и возврат стал невозможен. Хотя тогда впервые в России появились ранее бывшие под запретом книги и статьи «князя-бунтовщика».

В 1906 году в Париже, где Петр Алексеевич не был 20 лет, состоялось его выступление перед рабочими. По воспоминаниям очевидца Наталии Критской, в день, когда должен был состояться митинг, перед зданием, где он был назначен, почти с утра царило необычное оживление. Толпились полицейские, а по тротуарам тянулись вереницы рабочих: французов, итальянцев, испанцев, русских... Вскоре зал был переполнен. Становилось тесно, душно и тускло от табачного дыма. Ожидая начала, сидевшие в зале показывали друг другу известных деятелей рабочего движения: высокого, худого Джеймса Гильома, редактора анархо-синдикалистской газеты «Голос труда» Эмиля Пуже, публициста, редактора газеты «Новые времена» Жана Грива... Но вот зал взорвался аплодисментами: увидели Кропоткина. Он добрался до эстрады, зал успокоился. Председатель после горячего приветствия предоставил ему слово. И все услышали его ласковый, тихий и в то же время ясный голос: «Я счастлив, что я снова с вами... Прошло почти полвека, когда я с несколькими моими товарищами выступил в нашей стране на борьбу за лучший строй... Настанет день, когда солидарность и взаимопомощь, эти великие двигатели прогресса, заменят принудительное начало, царящее в современном обществе, и только тогда люди и народы всего земного шара смогут объединиться в одну великую семью равных и свободных».

Когда Кропоткин закончил речь, не один раз прерывавшуюся аплодисментами, он, раскланиваясь, смущенный и взволнованный, с трудом пробирался сквозь толпу к выходу, пожимая протянутые руки.

С двумя докладами выступил он на съезде русских анархистов в Лондоне в октябре 1906 года. Политические цели революции только тогда будут достигнуты, говорил он, когда

произойдут серьезные экономические изменения, а именно, когда средства производства перейдут непосредственно в руки тех, кто работает на заводах и в полях (но не государству!). Он также предупреждал, что экспроприация не должна затронуть тех, кто не эксплуатирует чужого труда, в особенности крестьян, отбирать у которых землю считал недопустимым. И настоял на том, чтобы съезд принял резолюцию против экспроприации.

В его долгой эмигрантской жизни таких выступлений было немало. И очень часто, обычно по воскресеньям, проходили встречи в его доме — в Харроу, а потом в Бромли и Брайтоне. Иван Майский, советский посол в Англии времен Второй мировой войны, а тогда эмигрант-большевик, в своей книге «Встречи с прошлым» вспоминал: «Меня сразу поразила внешность Кропоткина: огромный голый череп с пучками вьющихся волос по бокам, высокий мощный лоб; большой нос, умные, острые глаза под резко очерченными бровями, блестящие очки, пышные седые усы и огромная, закрывающая верхнюю часть груди борода. Все вместе производило впечатление какой-то странной смеси пророка и ученого...»[79] Далее он продолжал: «Дом Кропоткина походил на настоящий Ноев ковчег: кого-кого тут только не было! Революционер-эмигрант из России, испанский анархист из Южной Америки, английский фермер из Австралии, радикальный депутат из палаты общин, пресвитерианский священник из Шотландии, знаменитый ученый из Германии, либеральный член Государственной думы из Петербурга, даже бравый генерал царской службы — все сходились в доме Кропоткина по воскресеньям для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение хозяину и обменяться с ним мнениями по различным вопросам».

Гостями Кропоткина в те годы были Максим Горький и будущий советский нарком иностранных дел Георгий Чичерин, толстовец Владимир Чертков и английский драматург Бернард Шоу, революционеры-народовольцы Герман Лопатин и Николай Морозов и лидер партии кадетов Павел Милюков. Обсуждались проблемы наступившего XX века. Что он несет человечеству? Предчувствия грандиозных потрясений и перемен были у многих...

29 июня 1914 года Петр Алексеевич писал Марии Гольдсмит из Брайтона: «Война большая, общеевропейская... разгорится через несколько дней. Германия... решила бесповоротно ее начать». Он рассматривал эту войну как столкновение двух цивилизаций — демократической, «которая положила в основу своей политической жизни „Права человека“» и другой, «которая застряла на принципах политического неравенства и императорской власти». Корни этой войны он обнаруживал в длительном противостоянии Германии и Франции, особенно любимой им, над книгой о великой революции в которой он работал в предвоенные годы.

О французской революции

“ Все это... откроет человечеству широкие горизонты, на которых вдали будут светиться, как маяк, все те же слова: «Свобода, Равенство и Братство».

П. А. Кропоткин, 1909

Плавный ход эволюции как в природе, так и в обществе, по мнению Кропоткина, неизбежно прерывается скачками, вызывающими быстрые изменения. В книгах, статьях, речах, на митингах он говорил о неизбежности такой революции в обществе, которая уничтожит социальную несправедливость, систему насилия и эксплуатации. Уже на протяжении практически трех десятилетий он работал над приближением этой революции. И вопрос о том, почему начинаются революции, как они протекают и к каким результатам приводят, занимал его все это время. Он понимал, что будущее невозможно представить себе без изучения прошлого. И конечно, очень много даст для этого погружение в историю самой великой революции, произошедшей на рубеже XVIII и XIX веков во Франции.

К Франции Петр Алексеевич всегда чувствовал особую привязанность. «Сказать трудно, до чего мне дорога Франция — ее поля, крестьяне в полях, ее дороги, сам ландшафт этих дорог, насколько они мне родные», — писал он в одном частном письме. Может быть, имело значение, что в детстве воспитателем его был француз, большой патриот своей страны, и раннее знакомство с французской культурой и языком не могло не сыграть своей роли.

В 1889 году исполнилось 100 лет Великой французской революции, впервые провозгласившей целью человечества достижение свободы, равенства и братства. Кропоткин опубликовал к юбилею ряд статей. Первая статья появилась в Лондоне, в июньском номере «The Nineteenth Century». Она называлась «Великая революция и ее урок». В том же году в парижской «La Révolté» и в лондонской «Freedom» он продолжил эту тему. В 1893 году в Париже вышла его небольшая книжка «Великая революция», а затем в газете Жана Грва «Новые времена» на протяжении пяти лет публиковались большие статьи с продолжением, освещавшие отдельные стороны революционных событий столетней давности: об интеллектуальном движении XVIII века, о действиях жирондистов и якобинцев, о Конвенте, о парижских секциях, о крестьянских восстаниях, предшествовавших революции. Получился целый цикл из восемнадцати статей. Его начало — рецензия на книгу французского историка Ипполита Тэна, написанная Кропоткиным для редактировавшегося Петром Лавровым журнала «Слово» в 1878 году. Но журнал был закрыт, и рецензия тогда не появилась.

Книга «Великая Французская революция 1789–1793» вышла в 1909 году одновременно в нескольких странах на французском, английском, немецком и испанском языках. На русском языке книга была напечатана в Лондоне, в эмигрантской типографии. Вскоре появились ее издания на голландском, польском, шведском и итальянском. В России ее собирался издать Максим Горький в издательстве «Знание». Конечно, когда Кропоткин писал книгу о французской истории, он не мог не думать об истории российской, но вот что он написал Горькому из Брайтона 16 декабря 1909 года: «При теперешних условиях русской жизни, боюсь, что издать ее в России не удастся... Дух книги и возможные, но неизбежные параллели, вероятно, помешают».

Издательство Горького уже приступило к выпуску собрания сочинений Петра Алексеевича в семи томах. Вышли тома: первый («Записки революционера»), второй («Ссылка в Сибирь»), четвертый («В русских и французских тюрьмах»), пятый («Идеалы и действительность в русской литературе»). Царской цензуре, однако, очень не понравилась книга о русских и французских тюрьмах, которая в России читалась как обвинительный акт против

бесчеловечных условий в заключении, на каторге и в ссылке. Горькому Петербургский окружной суд вынес в апреле 1911 года определение о «сыске» в связи с изданием этой крамольной книги. Писатель находился тогда в Италии, на острове Капри, и смог избежать суда, но собрание сочинений Кропоткина и другие книжные проекты были остановлены.

Когда книга готовилась к изданию, автор ее писал переводчице Марии Гольдсмит: «По-русски я еще более люблю эту книгу. Хорошая она и верная». И хотя до самой революции 1917 года в России книга Кропоткина не была издана, о ее содержании читатели узнали из критических статей в журналах «Русское богатство» и «Голос минувшего». Во Франции этот труд получил высокую оценку самого большого знатока французской революции, создателя посвященного ей Исторического общества, автора многих книг о ней Альфонса Олара. «Недавно вышедшая книга г-на П. Кропоткина очень серьезная, очень умная и очень содержательная по части фактов и идей... — писал он в 1909 году в журнале „La Revolution Française“. — Весьма поучительно посмотреть на революцию глазами Кропоткина».

Его взгляды и впрямь были особенными. Отличие его от подходов других весьма компетентных историков заключается именно в том, что он показал революцию в объеме, весь необъятный мир ее. «Революция, перевернувшая всю жизнь Франции и начавшая ее перестраивать в несколько лет, представляет собой целый мир, полный жизни и действия...» — писал Альфонс Олар. Однако и он, и другие историки рассматривали в основном деятельность вождей революции. Кропоткин же был убежден в том, что французскую революцию, открывшую путь для развития капитализма в стране, делал народ. И он показал революционное движение народных масс: крестьян и городской бедноты. Нельзя сказать, что другие историки совсем исключали народ из своих сочинений, но только Кропоткин раскрыл процесс зарождения и развития революции прежде всего в недрах народа. Он как бы осветил революцию снизу, чего не делал еще никто из историков, даже социалист Жан Жорес, четырехтомный труд которого, вышедший в 1900–1904 годах, Кропоткин внимательно читал. Эти тома сохранились, и на полях их обнаружено множество пометок карандашом. Из них складывается кропоткинское понимание истории революции, отличное от жоресовского, который подчеркивал буржуазный характер революции.

В значительной степени концепцию революции Кропоткин сформировал, отталкиваясь от точки зрения Жореса, и выстроил свое понимание хода событий. Государство во Франции оказалось в критическом положении, так что правительству поневоле пришлось вступить на путь реформ. Они были начаты с согласия Людовика XVI, но оказались половинчатыми и в результате никого не удовлетворили. Король, напуганный теми придворными силами, которые и этим-то половинчатым реформам противодействовали, вдруг остановился. Надежды, возникшие было в народе, оказались напрасными. И тогда разгорелось зарево народных бунтов, поддержанных явно выраженным недовольством молодой буржуазии. Под этим натиском правительство вынуждено было созвать Генеральные штаты для продолжения политики реформ. Но народ уже почувствовал свою силу, и борьба приняла острый характер, вспыхнуло мощное восстание крестьян — новая Жакерия. Дворянство призвало на помощь иноземные войска. Но борьба все накалялась, пока окончательное уничтожение крепостного права не было узаконено созданным в Париже новым революционным органом власти — Конвентом.

Изучая ход событий, предшествовавших революции во Франции, Кропоткин видел много похожего на то, что происходило в России в 60–80-х годах XIX века. В обеих странах речь шла об отмене изжившего себя крепостного права. Но половинчатость реформ стимулировала народное движение. Во Франции этот бунт очень быстро привел к победе революции, провозгласившей на все времена свободу, равенство и братство. В России же ситуация затянулась на десятилетия.

Жан Жорес считал буржуазию главной действующей силой революции и поддерживал идею сильного государства как необходимого условия развития революции. Русский антиэтатист Кропоткин, мировоззрение которого формировалось под влиянием идей народничества, не мог согласиться с недооценкой революционной роли крестьянства во французской революции, предвидя ее значительность в грядущей российской революции.

В книге подробно исследовано, как жил накануне революции доведенный до обнищания французский крестьянин. Жестоко подавлявшиеся голодные бунты стали обычным явлением. Но вместе с тем отдельные, выделившиеся из общей массы крестьяне, сумевшие выкарабкаться из нищеты, вселяли надежду на возможное изменение положения: «Если отчаяние и нищета толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции... Как и все революции, революция 1789 года совершилась благодаря надежде достигнуть тех или иных крупных результатов. Без этого не бывает революций».

Народ был активным участником всех революционных событий: крестьянские восстания, бунты в Париже, созыв Генеральных штатов, баррикады и взятие Бастилии и снова народные восстания в городах и селах, принятие Декларации прав человека, бегство короля, вторжение немецких войск, образование парижских секций — органов народного самоуправления... И только к концу книги появляются на ее страницах революционные вожди — Марат, Дантон, Сен-Жюст, Робеспьер. Главы 67-я, «Террор», и последняя, 68-я — «Девятое термидора. Торжество реакции», — посвящены рассказу о том, как революция уничтожила сама себя.

К массовому террору против самих же революционеров обратилось постепенно сформировавшееся централизованное правительство, сосредоточившее всю власть в немногих руках. Инициатором закона о реорганизации революционного трибунала, упрощавшего до предела расправу с «врагами революции», был «неподкупный» Максимилиан Робеспьер. В результате действия этого закона за 46 дней было казнено «по одному подозрению» более 1300 человек. «Каждая партия казненных ускоряла падение якобинцев... Устрашение более не устрашало, а только озлобляло... Власть неизбежно должна была перейти к „людям порядка и сильной власти“... С полной ясностью обозначилось все зло, происшедшее из того, что революция основывалась на обогащении отдельных личностей», — констатировал Кропоткин. Точку в революции поставил недавний революционер Наполеон Бонапарт, совершивший 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 года) государственный переворот и провозгласивший себя в мае 1804 года императором французов.

Что же дала французская революция Франции, человечеству? — подводит итог Кропоткин. А дала она освобождение крестьянина от крепостного права, резкое увеличение

производительности труда, равенство граждан перед законом и представительное правление — всем странам Европы, кроме России. И еще одно, что заметил из всех историков только Кропоткин: «Мы видели, как за все время революции старалась пробиться коммунистическая мысль». Это в буржуазной-то революции? Да, Кропоткин был убежден, что Великая французская революция, хотя она и была буржуазной, стала «источником всех коммунистических, анархических и социалистических воззрений нашего времени».

В книге о французской революции Кропоткин то и дело обращает свою мысль к России: «Какой нации выпадет теперь на долю задача совершить следующую великую революцию? Одно время можно было думать, что это будет Россия. И тогда является вопрос: если Россия затронет революционными методами земельный вопрос, как далеко пойдет она в этом направлении? Сумеет ли она избежать ошибки, сделанной французским Национальным собранием, и отдаст ли она землю, обобществленную, тем, кто ее обрабатывает?» Кропоткин отмечает, что любой народ, который встанет теперь на путь революции, получит в наследство то, что совершено во Франции: «Кровь, пролитая ими, пролита для всего человечества. Страдания, перенесенные ими, они перенесли для всех наций и народов... Все это составляет достояние всего человечества. Все это принесло свои плоды... и откроет человечеству широкие горизонты, на которых вдали будут светиться, как маяк, все те же слова: „Свобода, Равенство и Братство“».

Так заканчивается исторический труд Кропоткина о Великой французской революции, одно из лучших его произведений. Достаточно было бы одной этой книги для того, чтобы имя Кропоткина вошло в историю мировой науки. Через несколько лет она стала удивительно современной на родине ее автора, где произошла революция, свергнувшая самодержавие.

Действительно, лозунг «Свобода, равенство и братство» был актуален в России и во время Февральской революции, и в первые годы после Октябрьского переворота. Но Петр Алексеевич, возможно, удивился бы тому, что сегодняшние коммунисты из КПРФ изменили содержание этой триады. У них она звучит так: «Равенство, братство, социализм!» Исчезло одно слово — «свобода». Решили, что для социализма свобода не нужна. Кропоткин же, как и Бакунин, ставил ее на первое место.

Семидесятилетие и война

“...И как отрадно было почувствовать, что ни годы, ни расстояния не порвали той связи с русской жизнью, которую я со своей стороны всегда с любовью хранил и лелеял в своем сердце...

П. А. Кропоткин, 1912

В начале XX века почти ежегодно собирались конгрессы революционеров то в Париже, то в Лондоне, то в Брюсселе. Петр Алексеевич не очень любил появляться на этих торжественных собраниях, где всегда оказывался в центре внимания. Но на Лондонском международном революционном рабочем конгрессе 1900 года он присутствовал и прочитал

там три доклада: «Узаконенная месть, называемая правосудием», «Мелкая промышленность в Англии» и «Коммунизм и анархия». Опять прозвучали три различные темы: разоблачение буржуазного суда, защита принципа разукрупнения промышленности с целью усиления эффективности производства и разъяснение основ коммунистического анархизма. Эта своеобразная сюита в трех частях часто переиздавалась и по отдельности, и вместе. Он помещает свою статью «Наказание смертной казнью» в изданном сначала в Лондоне (1906), а потом перепечатанном в Москве (1907) сборнике «Против смертной казни» под редакцией М. Н. Гернета, в котором принял участие также В. Г. Короленко. Этот сборник сыграл большую роль в формировании общественного мнения по вопросу, актуальному и сегодня.

В эти годы здоровье Петра Алексеевича заметно ухудшилось, и врачи рекомендовали ему не оставаться зимой в Англии, а также работать не более четырех-пяти часов в день. Зимой 1908 года он провел в швейцарском городе Локарно, на берегу озера Лаго-Маджоре — в том самом Локарно, где жил Бакунин, когда Кропоткин впервые приехал в Швейцарию в 1872 году. В поездках в Италию и Швейцарию для лечения и отдыха Кропоткин возвращался к природе и снова чувствовал себя географом. Он ходил в горы и там собирал гербарии, образцы горных пород, рисовал природные ландшафты. Приехав в Локарно, он через несколько дней поселился в горном селении Канаббио.

Лечивший его доктор Таблер из Цюриха вспоминал: «Он находил... виды природы в районе верхнеитальянских озер великолепными, но поднимался до восхищения, лишь когда сравнивал местность с Сибирью. Тогда его восторг становился безграничным. Все мы, натуралисты, говорил он, должны были бы отправляться в Сибирь: там для науки открывается беспредельное поле наблюдений. Вспоминая о своих путешествиях по Байкалу, он восклицал: „О, там такая красота! Такая красота!“ Пыл, с которым он говорил это, делал невозможным сказать хотя бы слово похвалы о живописных местах в других частях земного шара... Бродить по горам — его любимейшее занятие. Это было гораздо ближе его сердцу, чем критика и революция. Он был, конечно, бунтарем, но бунтарство было лишь на втором плане в его характере. Он не испытывал удовольствия в разрушении и бунтовал лишь против препятствий, встававших на пути его сильных личных стремлений...»

Следующие две зимы прошли на итальянском курорте близ Генуи, в Рапалло, поскольку швейцарские газеты вспомнили, что решение о его высылке из страны не отменено. В Рапалло он узнал о смерти Л. Н. Толстого, там же написал статью «Толстой» для газеты «Утро России».

В 1911 году Кропоткин переезжает из Актона, где поселился, вернувшись в Англию, на время покинув Бромли, в приморский город Брайтон, следуя настоятельному совету врачей. Морской воздух должен был благотворно сказаться на его легких. В следующую зиму он не уезжает на юг и остается в Брайтоне, в своем новом доме на Чезам-стрит, который был почти таким же, как и все его прежние английские дома: и обстановка та же, и так же по воскресеньям собирались бесчисленные гости «на чашку чая». Часто пришедших потчевал, как и прежде, сам хозяин. В доме уже не было дочери Александры; она вышла замуж за русского журналиста, корреспондента газеты «Русское слово» в Англии Бориса Лебедева. Он часто навещал семью дочери, когда приезжал в центр Лондона для того, чтобы поработать в библиотеке Британского музея, зайти в Королевское географическое общество

или в редакции журналов и газет, публиковавших его статьи.

Сын Александра Кропоткина Николай, неоднократно бывавший у дяди и в Бромли, и в Брайтоне, вспоминал: «Жил он чрезвычайно скромно — в доме было пусто и просто: целые дни он проводил в своем кабинете с самодельной мебелью за книгой и пером... он удивительно чувствовал Россию; понимал хорошо ее быт и нравы самых различных слоев народа, русскую природу он постоянно видел перед собой».

Больше недели в семье Кропоткиных жил исследователь Центральной Азии, сподвижник Н. М. Пржевальского Петр Кузьмич Козлов, приезжавший в Лондон для получения Золотой медали Королевского географического общества: «Помню, до упоения мы увлекались беседой о Тибете, Монголии, о тогда только что открытом мною мертвом городе Хара-Хото...» Пржевальский говорил ему о Кропоткине как об «одном из обстоятельнейших научных деятелей, одном из самых осведомленных людей в области географических познаний». Кропоткин лично представил доклад П. К. Козлова британским географам.

В мае 1907 года в церкви Братства на Саузгейт-роуд, в северо-восточной части Лондона, собрались на свой V съезд российские социал-демократы. Петр Алексеевич получил приглашение. Он присутствовал на съезде РСДРП в качестве гостя вместе с А. М. Горьким и М. Ф. Андреевой. Делегат съезда К. Е. Ворошилов вспоминал, что Кропоткин «живо интересовался ходом прений, пылливо присматривался к делегатам». В октябре 1907 года Кропоткин нелегально провел несколько недель в Париже, куда он был приглашен вместе с Верой Фигнер и Германом Лопатиным участвовать в разборе дела агента полиции, провокатора Евно Азефа и разоблачившего его издателя журнала «Былое», поборника политического террора Владимира Бурцева.

А в апреле 1909 года Вера Фигнер была гостьей Петра Алексеевича в его доме в Бромли. Тогда в лондонском зале «Сауз-плейс» был организован митинг в честь легендарной революционерки, узницы Шлиссельбурга. На нем Кропоткин выступил с речью на тему «Настоящее положение в России», где подчеркнул, что в годы правления Николая II «даже то малое, что было достигнуто в России для защиты индивидуума от бюрократии, сметено из жизни, как нечто недостойное, бесполезное, вредное...».

В связи с визитом Николая II в Лондон и его договоренностью с королем Эдуардом в Ревеле о разделе сфер влияния в Азии состоялся большой митинг на Трафальгар-сквер. К приезду русского царя была издана брошюра Кропоткина «Террор в России» и опубликовано его воззвание к британскому народу с призывом не принимать Николая, которого в русском народе прозвали Кровавым, потому что его царствование началось со смертоносной давки на Ходынке и продолжилось Ленским расстрелом, поражением в войне с Японией и расстрелом мирного шествия рабочих в Петербурге в январе 1905 года.

В то время Кропоткин пользовался широкой известностью и уважением среди английских географов. Многие его статьи конца XIX столетия продолжают темы, истоки которых обнаруживаются в работах, относящихся еще к началу деятельности в Русском географическом обществе. Так, ряд заметок и статей посвящен планируемым и завершённым экспедициям в полярные области Земли. В них освещены такие значительные

в истории полярных исследований события, как трехлетний дрейф во льдах «Фрама», поход к Северному полюсу и к Земле Франца-Иосифа Фритьофа Нансена и Якоба Юхансена (1893–1896), полет на воздушном шаре «Орел» Соломона Андре (1897), первая зимовка на антарктическом материке Карстена Борхгревинка (1898–1899), экспедиции Руала Амундсена в Арктике и Антарктике.

В статье о результатах экспедиции Нансена и Свердруп на «Фраме» Кропоткин в 1897 году едва ли не первым из ученых дал оценку ее научным результатам[80]. Он называл в качестве важнейшей задачи исследований в Антарктиде выяснение общих вопросов «физики земного шара», для чего, как он полагал, покрытый льдом материк подходит лучше всего. Время показало, что он был прав, говоря об этом еще на заре научного проникновения в Антарктиду. В период Международного геофизического года (1957–1959) ученые, работавшие там, внесли огромный вклад в дело познания природы нашей планеты. И по сей день антарктические научные исследования, продолжаемые учеными ряда стран мира, подтверждают предвидение Кропоткина. Не случайно его имя появилось на карте Антарктиды: там есть теперь горы Кропоткина.

Семидесятилетие Петра Алексеевича в 1912 году отмечали во всех слоях общества, в разных странах мира. В Англии был специально создан юбилейный комитет, в состав которого вошли крупнейшие ученые, литераторы, политики. В торжественном адресе «от друзей из Великобритании и Ирландии» говорилось: «Ваши заслуги в области естественных наук, Ваш вклад в географическую науку и в геологию, Ваша поправка к теории Дарвина доставили Вам мировую известность и расширили наше понимание природы, в то же время Ваша критика классической политической экономии помогла нам взглянуть более широко на социальную жизнь людей... Вы научили нас ценить важнейший принцип жизни — принцип добровольного соглашения, который практиковался во все времена лучшими людьми и который Вы в наше время выставляете как важный фактор социального развития...» Среди подписей, которые заняли 70 страниц, — имена Г. К. Честертон, Г. Уэллса, Б. Шоу...

На многолюдном собрании в Лондоне выступил Бернард Шоу. «Много лет назад, — говорил он, — я вместе со своими друзьями вздумал кое-чему поучить Кропоткина, так как мы были не согласны с его теориями. Но прошли годы, и теперь я не уверен, что мы были правы, а Кропоткин ошибался...» Б. Шоу всегда с большим уважением и любовью относился к Петру Алексеевичу. Когда Шоу узнал о его болезни в январе 1902 года, он написал: «Я знаю, что Вы больны... Могу ли я чем-либо Вам помочь? Мне пришло в голову, что Вам, может быть, придется продавать вещи в убыток себе или даже занять деньги на праздник, в этом случае вспомните обо мне как о друге, способном помочь в нужде».

Адреса были направлены также Британской научной ассоциацией, редакцией «Британской энциклопедии» и другими организациями. Трогательный подарок — специально сделанные часы с надписью — пришел от часовщиков Юры. Еще одни часы прислали рабочие из Барселоны, помнившие встречу с ним в 1878 году.

Швейцарским друзьям Кропоткин написал из Брайтона: «Я сделал так мало, да и тем, что я сделал, я обязан Вам и русскому мужику... Прежде всего мне помогло близкое общение с русским крестьянином, а здесь, на Западе жизнь среди Вас и позднее в тесном контакте с

английскими рабочими. Я воочию узнал и уразумел, как живут свободные люди, как они могут сорганизоваться... А впоследствии на меня наложил свою печать независимый, дружественный и предприимчивый дух гор. Ваш дух возмущения и борьбы против ужасов и преданий прошлого. Свято храните этот дух, лелейте его...»

Пришел адрес и из России: «Глубокоуважаемый Петр Алексеевич! Мы твердо верим, что русский народ сохранил свое особое место в Вашем сердце... привет из сердца Вашей многострадальной Родины, от жителей родной Вам Москвы, объединенных общим чувством преклонения перед Вами, встретит живой и глубокий отклик в Вашей душе». Под этими словами — 738 подписей, в том числе К. С. Станиславского, Л. В. Собинова, В. Г. Короленко, Андрея Белого, артиста И. Н. Берсенева, актрисы Л. Б. Яворской, композитора Р. М. Глиэра. 92 человека подписали адрес от русских политических эмигрантов, среди них — С. Я. Маршак, учившийся тогда в Лондоне.

В ответе, отправленном в Россию, Кропоткин писал: «Не нахожу слов, чтобы выразить, как глубоко меня тронуло это выражение теплых чувств, донесшееся до меня с родины после долгой с ней разлуки, и как отрадно было почувствовать, что ни годы, ни расстояния не порвали той связи с русской жизнью, которую я со своей стороны всегда с любовью хранил и лелеял в своем сердце»[81]. В газете «Утро России», напечатанной за два года до этого статью Кропоткина о Льве Толстом, появилась заметка, в которой предлагалось разрешить Кропоткину приехать в Россию — ведь прошло уже 38 лет после того, как «государственный преступник» совершил свой побег. Петр Алексеевич ответил редакции: «Кроме меня, за границей есть тысячи людей, которые не менее меня любят свою Родину и которым жизнь на чужбине гораздо еще тяжелее, чем мне. А по всей Сибири и в дебрях Крайнего Севера разбросаны десятки тысяч человек, оторванных от действительной жизни и гибнущих в ужасной обстановке. Вернуться в Россию при таких условиях было бы с моей стороны примирением с этими условиями, что для меня невыносимо».

В торжественном адресе британского юбилейного комитета признавались заслуги князя Кропоткина в области естественных наук, а также и его гуманистические идеи. Здесь имелись в виду те идеи, которые развивал Кропоткин на протяжении последних двух десятилетий перед мировой войной, принесшие ему особенно широкую популярность в кругах интеллигенции Запада. Это его теория взаимопомощи как всеобщего закона природы, в особенности характерного для человеческого общества. Около двадцати статей опубликовал он на эту тему в английских журналах, а в 1902 году в Лондоне вышла книга «Взаимная помощь как фактор эволюции», сразу же переведенная на несколько языков.

Но в день 9 декабря 1912 года Петр Алексеевич был нездоров. В письмах Марии Гольдсмит он писал: «Слег так некстати. На рождение пришло свыше 400 писем, телеграмм, адресов. Нужно писать ответы, хоть не всем, а я лежу! Тоска!.. Здоровье незавидное...»

Совсем скоро, в августе 1914-го, возникло новое препятствие — разразилась мировая война. Ее Кропоткин предсказал за несколько лет до начала. Еще в 1902 году, по окончании Англо-бурской войны, он опубликовал в английской печати статью под названием «Одна война закончилась — где следующая?». В феврале 1904 года, когда вспыхнула Русско-японская война, он в письме в редакцию высказал через французскую газету предположение о том,

что столкновение на Дальнем Востоке — «лишь прелюдия к гораздо более серьезному конфликту, подготовлявшемуся с давних пор, развязка которого произойдет около Дарданелл или даже на Черном море — таким образом для всей Европы будет подготовлена новая эпоха войны и милитаризма».

С первых дней войны Кропоткин стал ее страстным обличителем, однозначно считая виновником начавшейся бойни германский милитаризм, а кайзеровскую Германию — агрессором, стремящимся подчинить себе соседние страны. Свободолюбивые народы Европы, вставшие на путь демократического развития, должны дать отпор нападению. Кропоткин сразу же определил как единственно возможный и желаемый результат войны — всеобщий и вечный мир, полное прекращение войн в дальнейшем. Об этом он написал в брошюре «Конец войны — начало вечного мира и всеобщего разоружения», изданной в Петрограде в 1914 году в качестве приложения к газете «Народная копейка».

Однако российские радикальные социал-демократы (большевики) во главе с Лениным выступили с интернационалистическим, как они полагали, лозунгом — «поражение своей стране!», рассчитывая использовать ситуацию войны в интересах революции. Тех, кто отстаивал принцип защиты отечества, они называли «траншейниками», «оборонцами», «социал-шовинистами». Достались в статьях Ленина эти прозвища и Кропоткину. А будущий «величайший полководец всех времен и народов», генералиссимус Сталин, а пока просто Иосиф Джугашвили (а по кличке в документах охраны — «Иоська Корявый»), в письме, отправленном из туруханской ссылки В. И. Ленину, обозвал Кропоткина в связи с его отношением к войне «старым дураком, совсем выжившим из ума». (Письмо опубликовано в журнале «Пролетарская революция», № 7, 1936.) Еще раньше, в 1907 году, в статье «Анархизм или социализм» он вынес князю свой приговор: «Учение Кропоткина приносит пролетариату вред». И точка.

Действительно, как только началась война, Кропоткин послал из приморского английского города Брайтона, где он тогда жил, в одну из крупнейших в России газет «Русские ведомости» статью с оценкой положения в Европе в связи с военными действиями, развязанными Германией. Потом он публиковал эти свои письма-размышления регулярно, под общим заголовком «Письма о текущих событиях». Всего было напечатано десять писем Кропоткина из Брайтона. В первых из них он развивал мысль о том, что противостоять германской военной машине может только объединение всех народов Европы перед лицом опасности. Ни в коем случае нельзя позволить Германии победить — результаты будут катастрофичны. В шестом и седьмом письмах, отправленных в феврале 1917 года, когда появились надежды на окончание войны, Кропоткин обращает больше внимания не на военные, а на экономические проблемы: в послевоенное время они, несомненно, выйдут на первый план. Он сравнивает характерные особенности экономического развития Германии, Англии, США, Канады, обращая особое внимание на тенденцию к стремительному росту, наблюдающуюся в эволюции американской экономики.

Это его наблюдение оказалось пророческим. В XX столетии США действительно стали богатейшей страной мира. Но прежде, чем сбылось это предсказание, произошло событие, которое давно ожидали, и тем не менее оно было воспринято как невероятное: в России свершилась революция...

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 июля 2025 02:14:22

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 июля 2025 02:19:12